

Е. Ю. Викторова

Саратовский государственный университет

**Роль устной и письменной формы речи
в использовании вспомогательных коммуникативных единиц
(на материале научной речи русского и английского языков)**

Аннотация: Доказывается существенное влияние устной и письменной формы речи на функционирование дискурсивных слов, их частотность и разнообразие в монологах научного функционального стиля русского и английского языков. Зависимость использования дискурсивов от языка при этом незначительна.

The paper ascertains the significant influence of oral and written forms of speech on the functioning, frequency and diversity of discourse markers in English and Russian academic monologues. The dependence of the usage of discourse markers on the language is found to be insignificant.

Ключевые слова: дискурсивные слова, регулятивная информация, дискурсивная информация, научная речь, письменная речь, устная речь, русский язык, английский язык.

Discourse markers, regulatory information, discourse information, academic speech, written speech, oral speech, the English language, the Russian language.

УДК 811.111'42 + 811.161.1'42

Контактная информация: Саратов, ул. Астраханская, 83. СГУ, кафедра английской филологии. Тел. (8452) 210635. E-mail: Helena_v@inbox.ru

Вспомогательная функция в дискурсе выполняется разными вербальными и невербальными средствами: это могут быть жесты, графические средства, знаки пунктуации (кавычки, скобки, тире и др.), разные виды шрифта (полужирный шрифт, курсив), красная строка, некоторые компоненты речевых произведений (аннотации, ключевые слова, вступления, ссылки). Предметом нашего исследования являются только **вербальные способы** выражения вспомогательности – особые лексические единицы: слова и устойчивые речевые обороты (иногда предложения), функция которых заключается в помощи коммуникантам в процессе создания дискурса, его реализации и восприятия. Такие единицы в последние десятилетия в лингвистике принято называть дискурсивными словами или дискурсивами [Дискурсивные слова..., 1998; 2003].

Дискурсивы передают дискурсивно-регулятивную информацию, которую следует считать вспомогательной по отношению к основной, фактуальной информации. В качестве вспомогательных коммуникативных средств дискурсивы помогают адресату правильно понять высказывание адресанта, они экономят мыслительные усилия адресата в интерпретации смысла высказывания, управляют его вниманием. В целом, они улучшают качество восприятия дискурса, увеличивают скорость и точность его восприятия.

Дискурсивы в широком понимании включают вводно-модальные слова и конструкции, частицы, союзы, модальные глаголы, слова знаменательных частей речи, междометия. Мы приравниваем такое понимание дискурсивов к поня-

тию «вспомогательные коммуникативные единицы» (далее ВКЕ). К дискурсивам в узком понимании, на наш взгляд, относятся преимущественно вводно-модальные слова и конструкции, а также частицы. Именно они составляют ядро ВКЕ.

Как известно, на реализацию каждого вида речи оказывают влияние функциональный стиль, форма речи (устная или письменная), а в устной речи диалогический или монологический ее вид [Сиротинина, 1986]. Основной целью настоящего исследования является изучение влияния формы речи на функционирование дискурсивов в монологах научного функционального стиля русского и английского языков.

Материалом русской **устной** научной речи (далее РУНР) послужили тексты лекций по лингвистике, психологии, физике и химии, прочитанные в основном в студенческих аудиториях и опубликованные в сборнике «Современная устная научная речь. Тексты» под редакцией О.А. Лаптевой [Современная русская устная научная речь, 1999]. Английская УНР (далее АУНР), также представленная лекциями по различным дисциплинам – литературе, истории, химии и физике, является частью Британского корпуса английской устной научной речи (British Academic Spoken English (BASE) Corpus) (http://www.reading.ac.uk/AcaDepts/II/base_corpus/). Объем исследованных лекций составляет по 13 500 словоупотреблений в каждом из языков. Количество употреблений дискурсивов в РУНР – 1 148, в АУНР – 1 091.

Английская и русская **письменная** научная речь (далее – АПНР и РПНР) исследовалась на материале научных статей по лингвистике, медицине и физике, опубликованных в научных сборниках и журналах последнего десятилетия. Объем исследованных статей составил по 25 200 словоупотреблений в каждом из языков. Количество употреблений дискурсивов различается по языкам всего на 15 единиц: в РПНР – 1 118 употреблений, в АПНР – 1 133. Общий объем материалов проведенного исследования УНР и ПНР двух языков составил 77 690 словоупотреблений. Общее количество зарегистрированных дискурсивов – 4 490 употреблений. Все дискурсивы выявлены методом сплошной выборки.

Таким образом, мы имеем четыре разновидности исследованных текстов – два устных, два письменных, из них два на русском языке и два на английском. Мы покажем, что общего и различного было обнаружено в каждой из форм научной речи в русском и английском языках, какие из особенностей употребления дискурсивных слов можно считать общими (универсальными) для двух языков и для двух форм речи, а какие национально-специфичными или характерными только для одной из форм речи.

На основе двух характерных для дискурсивов типов информации – регулятивной и дискурсивной [Андреева, 2005] – мы выделяем два основных типа дискурсивов: дискурсивы-регулятивы и дискурсивы-организаторы. **Дискурсивы-регулятивы** выполняют межличностную (по М. Халлидею [Halliday, 1973]) языковую функцию и выражают регулятивную информацию. Они реализуют авторское, индивидуальное начало в дискурсе, отвечают за связь между говорящим и слушающим (автором и читателем), за выражение субъективных мнений, оценок, комментариев, отношений. Как показал наш материал, целесообразно выделить следующие подтипы данных дискурсивов: 1) дискурсивы, повышающие и понижающие достоверность сообщаемого (*конечно, несомненно, certainly, no doubt* и *по-видимому, допустим, may, can, probably*); 2) дискурсивы, выражающие дополнительные смыслы (*довольно, только, уже, even, only, just*); 3) авторизирующие дискурсивы (*на наш взгляд, выделяем, мы предполагаем, I believe, our study demonstrates*); 4) перформативные дискурсивы, авторизирующая и перформативная роль которых часто неразрывно связаны между собой (*отмечу, приведем вывод, we can clarify this concept here, I will illustrate this again*); 5) дискурсивы, оценивающие содержание высказывания (*принципиально важно, любопытно, it is*

clear, it is simple to see) или собственную речь – авторская самооценка речи (*иными словами, в некотором смысле, in the strict sense of the term, or more accurately*); б) дискурсивы-акцентивы (*прежде всего, именно, actually, especially*); 7) эмотивы (*к сожалению, unfortunately*); 8) дискурсивы, напрямую обращенные к адресату (*если помните, как вы знаете, you might remember, can you see it clearly?*); 9) фативы-хезитативы (*ну, так вот, скажем, well, so*). Дискурсивы предпоследней подгруппы встречаются преимущественно, а последней подгруппы только в устной речи.

Дискурсивы-организаторы выполняют текстовую функцию и выражают дискурсивную информацию. Считаем возможным выделить две подгруппы дискурсивов-организаторов: композиционно-структурные и логико-связующие. **Композиционно-структурные** дискурсивы выражают связь между фрагментами дискурса и могут быть названы **глобальными организаторами**. Они обеспечивают глобальную связность и цельность дискурса и включают в себя: 1) сигналы сегментации дискурса – указание на начало темы (*сегодня рассмотрим, we'll start with*), на переход к другой теме (*перейдем теперь к..., now, then*), на завершение темы и вывод (*итак, таким образом, hence, to summarize*); 2) сигналы очередности и последовательности в дискурсе (*в первую очередь, во-первых, first of all, in the first place*); 3) внутренние ссылки – сигналы, отсылающие читателя к фрагментам той же самой статьи или лекции (*как я уже говорил; к этому вопросу мы еще вернемся, I mentioned before, I'll come back to this*); 4) внешние ссылки – ссылки на чужие слова, термины, точки зрения, исследования (*как говорят, как известно, as we all know, according to X*).

Логико-связующие дискурсивы отвечают за связь в тексте на уровне предложения или фрагмента дискурса, то есть обеспечивают локальную связность, отсюда термин **локальные организаторы**. Это всевозможные сигналы связи и логических отношений между высказываниями – причины и следствия (*поэтому, потому что, отсюда, therefore, thus*), противопоставления (*однако, хотя, however, nevertheless*), включения (*включая, в том числе, including*), исключения (*не считая*), уточнения (*то есть, а именно, in other words, i.e.*), возможного продолжения (*и так далее, и другие, and so on, etc.*), добавления информации (*кстати говоря, кроме того, moreover, in addition*), а также указания на фрагмент текста (*здесь, в данном случае, in this case, here*).

Следует сказать, что приведенное нами распределение дискурсивов по подтипам довольно условно и не всегда однозначно. Очень многие дискурсивы полифункциональны, они одновременно выполняют в речи несколько задач, то есть характеризуются функциональным синкретизмом. Примером этому может послужить отмеченная выше неразрывность авторизирующей и перформативной функций. Оценивающие дискурсивы (*принципиально важно, it's important*) почти всегда выполняют еще и акцентирующую функцию, а сами акцентирующие сигналы, возможно, следует считать разновидностью дискурсивов, выражающих дополнительные смыслы. Высокочастотные в АУНР дискурсивы *so, now, okay* обладают и регулятивной и логико-связующей функцией, а дискурсив *you know*, хотя и считается хезитативным элементом, тем не менее, продолжает восприниматься и как сигнал обращения к адресату.

Кроме синкретизма, не разрешаемого контекстом, можно говорить и об обычной многозначности, которую контекст снимает. Например, русские дискурсивы *значит, итак, скажем, так сказать* в одних ситуациях могут употребляться и восприниматься буквально (*значит, итак* как сигналы логических отношений – вывода, итога, *скажем, так сказать* как оценка своей речи, комментарий по поводу выбранной номинации или как сигнал приведения примера), а в других могут быть заполнителями пауз. Такие ситуации характерны, прежде всего, для УНР. Например, в следующих отрывках из лекций дискурсив *скажем* используется как сигнал иллюстрации к сообщению: *Ведь / э / допустим вы / поставили / чайник*

*с водой / на горячую плиту // Если б **скажем** / произошло бы / при этом / замерзание воды // и больший // нагрев / самой плиты / на которой стоит чайник / то нарушения закона сохранения энергии бы не было //* (лекция по физике); *Как бы / далеко / казалось бы / не отходил автор в своем словоупотреблении / в своем экспериментаторстве даже // особенно **скажем** в сказовой прозе / от норм / литературного языка / все же / всегда / присутствует незримо / или явно / оглядка / на нормы / ориентация на нормы* (лекция по лингвистике). В следующем примере дискурсив *так сказать* воспринимается тоже буквально – как комментарий к последующему слову (возможно, в связи с его некоторой необычностью): *Ну это **так сказать** реалья / тут ничего с ней не поделаешь* (лекция по лингвистике). А вот следующий отрывок, как нам кажется, содержит дискурсив *так сказать* скорее в хезитативной функции: *Ну так или иначе / бихевиоризм / пока что / лидирует / в зарубежной / методике / обучения иностранным языкам / В зарубежной психологии / **так сказать** обучения иностранным языкам / соответственно в методике <...> это и есть как раз / бихевиористские / типично / бихевиористские / книги... Я не спорю против их / **так сказать** педагогической пользы* (лекция по психологии). Здесь *так сказать* используется лектором дважды и оба раза не в качестве комментария к выбранному слову.

Уместное и разнообразное использование хезитативов не мешает коммуникации, а, наоборот, ее оптимизирует: хезитативы членят речевой поток, заполненные паузы необходимы, чтобы подобрать или вспомнить нужное слово, сформулировать свою мысль, перевести дух, сосредоточиться и т. д. Причем хезитативные сигналы одинаково важны и для говорящего, и для слушающего, при их наличии воспринимающий меньше устает. Однако слишком частое употребление особенно одних и тех же дискурсивов-хезитативов может вывести их за пределы той роли вспомогательности, которую мы отводим дискурсивным единицам. При неоправданно частом использовании они превращаются в слова-паразиты и в нашем исследовании не учитываются. Справедливости ради скажем, что таких использований хезитативов нами отмечено немного: *Значит вот // Тол / слово «образуется» / из речи Матвея / камердинера Стивы Облонского / Это слово / **значит** / вошло в литературный язык // **Значит** / Толстой вводит то слово таким образом / **Значит** / если вы помните // э / ссора происходит между Степан Аркадьичем и Дарьей Александровной...* (лекция по лингвистике).

Итак, проведенное исследование показало, что научная речь обоих языков обнаруживает целый ряд общих или сходных для обоих языков моментов. Например, в каждой из форм речи отмечена одинаковая для двух языков общая частота использования дискурсивов: в УНР обоих языков дискурсивы употребляются с частотой примерно 1 дискурсив на 12 словоупотреблений (далее частоту употреблений дискурсивов будем указывать кратко, например, 1:12). В письменных научных текстах дискурсивы встречаются почти в два раза реже: частота их использования в русском и английском языках составляет 1:22. Надо сказать, что такое почти двукратное различие УНР и ПНР в плане частоты встречаемости в них дискурсивов вполне ожидаемо. Большое количество коммуникативных единиц регулятивного, фатического, хезитативного и субъективно-модального плана (забегая вперед, отметим, что как раз таких единиц в УНР оказалось намного больше, чем в ПНР) характерно именно для УНР, поскольку она относительно спонтанна, непосредственно адресована, более субъективна и персональна по своей природе. Устный характер речи способствует актуализации межличностных отношений, интимизации речи, что и эксплицируется в дискурсивах регулятивного типа [Брчакова, 1995]. Как видно из приведенных данных, частота использования разных видов дискурсивов в научной речи зависит главным образом не от языка, а от формы речи. Значит, можно говорить о частоте использования дис-

курсивов как об универсальной особенности устной или письменной научной речи, не зависящей от языка.

Ниже приводим два фрагмента научной речи физиков (первый – отрывок из лекции, второй – из статьи), отобранные как наиболее насыщенные дискурсивами:

Речь идет / о внутренней энергии / обусловленной / так называемым / тепловым движением // Это энергия / идеального газа // Если мы с вами перешли бы к рассмотрению энергии реального газа / то / здесь вышла бы еще / энергия / э / потенциальная энергия / взаимодействия молекул между собой // Этот вопрос / мы будем вами подробно рассматривать на одной из следующих лекций / Во внутреннюю энергию / конечно нужно будет включить еще и энергию // взаимодействия / м / частиц / внутри атома // и энергию массы покоя / как называют эйнштейновскую энергию // Но дело заключается в том / что нас / как правило / интересует / изменение энергии // Изменение энергии это значит разность // между / конечным значением энергии / внутренней / и ее начальным // А когда мы находим разность / и когда мы вычитаем // энергию / м / начальную из энергии конечной / то эта произвольная постоянная / естественно / конечно исчезает // Поэтому будем с вами в дальнейшем / говорить об энергии / главным образом / молекулярно- / кинетической / и молекулярно- / потенциальной // (лекция по физике);

Таким образом, исследования углеродных нанотрубок представляют не только прикладной, но и значительный фундаментальный интерес. Фундаментальный интерес к этому объекту обусловлен, в первую очередь, его необычной структурой и широким диапазоном изменения физико-химических свойств в зависимости от хиральности. Итак, основная проблема экспериментальных исследований УНТ заключается в том, что характерные размеры нового материала сравнимы с атомными и для их оценки необходимы методы, обладающие сверхвысоким пространственным разрешением. К сожалению, каждый из этих методов информативен только в ограниченном диапазоне диаметров нанотрубок и не дает исчерпывающей информации о нанотрубном материале в целом. Поэтому говорить об электронных элементах на нанотрубках можно будет только после решения технологических проблем – воспроизводимого формирования нанотрубок в достаточном количестве с заранее заданными структурными характеристиками. Понятно, что первым шагом в этом направлении должна стать разработка надежных методов контроля, идентификации и характеристики нанотрубок с определенными структурными и электрофизическими параметрами (статья по физике).

Данные фрагменты содержат одинаковое количество словоупотреблений, но, как нетрудно заметить, дискурсивов в отрывке УНР содержится гораздо больше – в 1,7 раза, чем в отрывке ПНР. Аналогично обстоит дело и в АНР.

Оба языка показывают сходную степень разнообразия использованных в научной речи дискурсивов. Было подсчитано, сколько раз в среднем один дискурсив встречается в повторном употреблении в одной лекции или статье. Отношение общего количества употреблений дискурсивов к количеству дискурсивов, включенных в репертуарный список исследуемого материала (иными словами, количество разных дискурсивов) можно считать своеобразным коэффициентом разнообразия (далее КР) употребления дискурсивов. Чем выше данный коэффициент, тем менее разнообразны использованные в данном тексте дискурсивы, то есть тем чаще они встречаются в повторном употреблении. Чем он ниже, тем дискурсивы разнообразнее. Как показал количественный анализ, в УНР дискурсивы более разнообразны, чем в ПНР, а расхождения между двумя языками минимальны. Так, в РУНР КР равен 1,9, в АУНР – 2,0. В РПНР дискурсивы повторяются в среднем 2,4 раза, в АПНР – 2,5 раза. Следовательно, степень разнообразия дискурсивов также зависит в большей степени от формы речи, а не от языка.

Интересно, что в ПНР обоих языков дискурсивы-организаторы повторяются чаще, чем дискурсивы-регулятивы: у первых КР равен 2,9, у вторых – 2,1. Среди организаторов в ПНР часто повторяются дискурсивы, содержащие вынужденные сигналы – внутренние ссылки, например, отсылки к рисункам (*рис. 1, изображенный на рис. 1, fig. 1*) или к иным компонентам научной статьи (*see table 1*); сигналы завершения темы / мысли (*таким образом, so, thus, therefore*), введения примеров (*например, for example, for instance, e.g.*), а также сигналы уточнения (*то есть, i.e.*), возможного продолжения (*и т. п., и т. д., and so on*) и различные сигналы связи и логических отношений (*так как, при этом, а также, также, однако, причем, although, because, while, however, also, yet, respectively, including*), где уже возможен выбор.

Среди регулятивов в ПНР чаще других повторяются модальные глаголы и предикативы, которые выражают различную степень достоверности сообщаемого (*может, можно, должен, could, may, can, likely*); некоторые частицы и слова, выражающие дополнительные смыслы (*же, довольно, достаточно, even, rather, only*), а в РПНР еще и акцентивы (*действительно, именно, не только ... но и, как ..., так*). Таким образом, дискурсивы-регулятивы в обоих языках представлены более разнообразно, чем дискурсивы-организаторы. И это естественно, поскольку по своей сути регулятивные сигналы выражают различные субъективно-модальные смыслы, а значит, связаны с отображением личного, персонального начала в речи, в их употреблении сильнее проявляется творческий подход говорящего.

В УНР степень разнообразия регулятивов и организаторов в обоих языках различается незначительно: КР регулятивов в обоих языках составляет 1,9; КР организаторов в РУНР – 2,0, в АУНР – 2,1. В РУНР среди регулятивов повторяются чаще всего наблюдаются в группе фативов-хезитативов (*значит, скажем, вот, ну*) и дискурсивов, содержащие оценку собственной речи (*так сказать, скажем, так называемый, собственно говоря*). В АУНР хезитативы также лидируют по количеству повторов, среди них *so, okay, well, you know, now*. На втором месте в АУНР оказались дискурсивы, выражающие дополнительные смыслы (*just, very*). Наиболее разнообразные регулятивы зафиксированы в обоих языках среди дискурсивов, содержащих оценку содержания (*уместно будет вспомнить, интересно отметить, чрезвычайно важно учесть, which is crucial, it's true, what's significant*) и обращенных к адресату (*сами понимаете, вы прекрасно знаете, как вы видели, если вы помните, давайте это изложим и запишем don't be surprised, let's see what we've got here, what do you think?*). В этих подтипах отмечены лишь единичные повторные употребления, то есть такие дискурсивы почти стопроцентно производятся, а не воспроизводятся в речи.

Среди организаторов в УНР самыми часто повторяемыми являются локальные организаторы: в РУНР дискурсив *здесь*, указывающий на фрагмент речи, сигнал уточнения *то есть*, а в АУНР связующий дискурсив *because* и указание на фрагмент *here*. Глобальные организаторы в УНР обоих языков, а именно сигналы сегментации (*сегодня мы будем рассматривать, ну начнем с первого процесса, затем, теперь что касается, перейдем теперь к..., this lecture is going to be about..., we'll start with..., then, after all*) очередности и последовательности (*нужно сказать следующее, в первую очередь, first of all, the next step is...*) и внутренние ссылки (*если возвращаться к нашей классификации, как я уже говорил, у нас еще будет случай к этому вернуться, later on we'll see, as I've shown, to those who didn't hear it I said*) при довольно высокой частоте употребления отмечены как наиболее разнообразные дискурсивы.

Итак, в обоих языках мы наблюдаем одинаковые тенденции, касающиеся степени разнообразия регулятивов и организаторов, а также их подтипов. Что касается влияния формы речи на разнообразие дискурсивов, то оно несомненно. Форма речи влияет на степень разнообразия дискурсивов в целом: в УНР КР ни-

же, следовательно, дискурсивы здесь более разнообразны. Роль формы речи проявляется и на уровне двух подгрупп – регулятивов и организаторов: в ПНР обоих языков КР организаторов выше, чем КР регулятивов, в УНР обоих языков КР в обеих группах примерно одинаков.

Роль устной или письменной формы речи проявляется и при сопоставлении доли (процентного содержания) регулятивов и организаторов в научной речи русского и английского языков. В ПНР обоих языков доля организаторов выше доли регулятивов: в РПНР организаторов 51 %, в АПНР – 54 %. Приведем фрагмент ПНР из статьи на английском языке:

*The meanings of words and expressions are social facts which **can** be accessed by the methods of linguistic semantics. They provide insight into the ways of thinking of those who use them. They **also** provide insight into the shared understandings of all members of a particular “community of discourse”, **including** social rebels, radicals, dissidents, eccentrics, **and so on**. **For example, even** those speakers of English who dislike the cultural assumptions behind expressions **such as** “emotional blackmail” and “putting pressure on people” **(to be discussed later in this paper)** belong to a community of discourse of people who are familiar with these assumptions **(for further discussion, see Wierzbicka 2005)** (статья по лингвистике). В этом фрагменте зарегистрировано 10 дискурсивов, из них всего три мы относим к регулятивам: *can* (сигнал снижения категоричности), *even* (дискурсив, выражающий дополнительный смысл) и *see* (обращение к адресату). Дискурсивы-организаторы здесь преобладают: сигналы логических отношений (*including, also*), внутренняя ссылка (*to be discussed later in this paper*), внешняя ссылка (*for further discussion*), сигнал возможного продолжения (*and so on*), сигналы ввода примеров (*for example, such as*).*

Однако в УНР, где, естественно, повышается необходимость регулировать контакт со слушателями и вводить в речь ВКЕ субъективно-модального плана, напротив, отмечено преобладание регулятивов над организаторами. В РУНР регулятивы составляют две трети (66 %), а в АУНР даже более двух третей (72 %) от всех дискурсивов. Именно соотношение регулятивов и организаторов и определяет во многом специфику УНР. Здесь необходимость выражать свое мнение, описывать свои ментальные и прочие действия, выражать свое отношение или оценку, уточнять свои слова, регулировать общение с аудиторией, проверяя работу канала связи с аудиторией или обращаясь к ней напрямую, проявляется намного ярче и отчетливее, чем в речи письменной. Приведем фрагмент из английской лекции по литературе:

***In other words** / Twain opened up the imaginative arena / where / Huckleberry Finn is **also** set // He **also of course** introduced Huck / Huck is a character in Tom Sawyer as / one of Tom’s friends / but **significantly** he’s observed from the outside and / **well in any case** the focus is on Tom // Having finished the novel / Twain **obviously** felt there was more / to be said / about that childhood world of the old South / enough for **a kind of** companion volume to Tom Sawyer / but / **perhaps** with a different perspective / **perhaps** it needed / that innocent **at large** / to see the world // **So** spurred on by the popular success of Tom Sawyer Twain immediately set to work / on what **seems** to have been conceived initially as an unproblematic / sequel (лекция по литературе). Всего в этом отрывке отмечено 14 употреблений дискурсивов, и только четыре из них являются организаторами: сигналы логических отношений *also* (2 употребления), *in any case* и *so*. Остальные 10 дискурсивов это регулятивы с различной функцией: оценка речи (*in other words*), сигналы достоверности (*of course, obviously, a kind of, perhaps, seems*), дискурсивы, выражающие дополнительные смыслы (*significantly, at large*), хезитатив (*well*).*

Таким образом, доля регулятивов выше всего в АУНР, а организаторов в АПНР. В ПНР русский и английский языки демонстрируют более близкие друг другу количественные результаты, чем в УНР, где данные различия по языкам

выражены сильнее. В первую очередь это происходит потому, что в лекциях гораздо ярче проявляется индивидуальная специфика, манера лектора, стиль его общения с аудиторией. Некоторые лекторы, используя лишь подготовленный план лекции, фактически говорят спонтанно, а другие озвучивают (прочитывают) полный ее конспект. В последнем случае, естественно, спонтанность речи, минимальна, что снижает, на наш взгляд, частоту использования дискурсивов.

Форма речи определяет и особенности, и частоту употребления отдельных подтипов дискурсивов. Так, преимущественно (или даже только) для УНР характерно использование обращений к адресату, гезитативов, фативов, эмотивов. В УНР обоих языков чаще употребляются сигналы сегментации и очередности, акцентивы. В ПНР обоих языков чаще, чем в УНР, встречаются сигналы снижения категоричности, дискурсивы, реализующие дополнительные смыслы, перформативы, оценочные дискурсивы, оба вида ссылок.

Подводя итог, отметим, что употребление дискурсивов, их частотность, разнообразие, представленность их подтипов в ПНР и УНР русского и английского языков носит, видимо, универсальный характер и не зависит (или мало зависит) от языка. Влияние формы научной речи на многие параметры использования дискурсивов довольно существенно.

Литература

Андреева С. В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи / Под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов, 2005.

Брчакова Д. Коммуникативные и структурные типы связей между смежными предложениями в устном научном тексте // Современная русская устная научная речь / Под ред. О. А. Лаптевой. М., 1995. Т. 3: Текстовые, лексико-грамматические и словообразовательные особенности. С. 20–45.

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М., 1998.

Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / Сост. К. Киселева, Д. Пайар. М., 2003.

Сиротинина О. Б. О соотношении формы и стиля речи // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Пермь, 1986. С. 49–57.

Современная русская устная научная речь / Под ред. О. А. Лаптевой. М., 1999. Т. 4: Тексты.

Halliday M. Explorations in the Functions of Language. L., 1973.